

Полковник запаса И.Г. ДУРОВ

ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ И ШВЕДСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПЕРИОД СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ 1700—1721 ГГ.

«Военно-исторический журнал» не раз обращался к проблемам, связанным с военнопленными, но при этом речь шла в основном о периоде Второй мировой войны. В данной статье на основе богатого архивного материала, многих отечественных и иностранных источников рассматриваются режим содержания, порядок продовольственного и вещевого обеспечения русских и шведских военнопленных в период Северной войны 1700—1721 гг. Полагаем, что читателям будет интересно узнать, как решались эти вопросы три века назад, когда по сути дела в Европе еще только начинали формироваться международно-правовые нормы, регулирующие обращение с военнопленными.

Любая война не обходиться без военнопленных. Шведы, одержав победу под Нарвой, взяли в плен командующего русскими войсками герцога де Кроа со всем его штабом и массу нижних чинов. Основная часть русских пленных была отправлена непосредственно на территорию Швеции: по состоянию на март 1711 года в их числе находились 4 генерала, 3 майора-иноземца, 13 капитанов, ротмистр, 7 поручиков, 2 адъютанта, 5 прапорщиков и 1088 нижних чинов¹. Попадали в плен, и еще задолго до Полтавы, и шведы. Так, 7 (18) мая 1703 года в ходе ожесточенного боя в устье Невы русского отряда, находившегося на 30 озерно-речных судах, под командованием А.Д. Меншикова и Петра I были взяты на abordаж шведский бот «Гедан» и шнява «Астрильд». При этом в плен захватили 19 человек². Весной 1704 года русские пехотинцы, посаженные на струги и лодки, в сражении со шведской эскадрой на Чудском озере пленили 13 вражеских судов с 138 моряками³.

В июле 1705 года шведская эскадра под командованием адмирала К.Т. Анкерштерна вновь предприняла попытку овладеть Котлином и прорваться к Санкт-Петербургу. 14 и 15 июля шведы высадили десант с кораблей, однако были разгромлены защитниками форта Кроншлот на о. Котлин. В русский плен попали 3 капитана, 4 поручика и до 60 нижних чинов⁴.

Провиантское обеспечение шведов в плену осуществлялось следующим образом. Специально уполномоченные русским правительством представители Военного приказа получали в Стокгольме деньги из королевской казны для раздачи их шведским пленным⁵ исходя из их воинского звания и служебного положения. Для военнопленных шведских офицеров были установлены следующие размеры «поденного корма»: подполковникам, майорам и провиантмейстерам — 9 денег в сутки, капитанам и поручикам — 5, всем остальным обер-офицерам — 3; денщикам и прочим нижним чинам — 2 денги (1 копейку)⁶. Много это или мало? Судите сами: тогда на рынках русских городов за 1 копейку можно было купить 40 куриных яиц, или 6 цыплят, или 4 зайца, а за 7—8 копеек — молодого барана.

В последующие годы размеры кормовых денег неоднократно пересматривались, они частично заменялись на натуральные виды довольствия, причем для некоторых контингентов военнопленных основным видом провиантского обеспечения являлась выплата хлебного жалованья. Так, при заселении Приазовского края, куда наряду с русскими крестьянами-переселенцами принудительно направлялись и пленные шведы, было определено, что русским переселенцам, «которые присланы будут на пашню... давать им и детям их деньги и хлеб против азовских жилых солдат»⁷ (на одного солдата отпускалось по 5 рублей, 6 четвертей ржаной муки, 2 четверти овса, 3 пуда соли)⁸, при этом «свейские полоняники» получали такие же виды довольствия, что и русские крестьяне. Правда, денег сначала им полагалось по полтора рубля на человека в год⁹, но с 1705 года и в этом отношении их уравнивали с русскими¹⁰.

Шведские военнопленные, находившиеся в Санкт-Петербурге, состояли на котловом довольствии и получали хлебное жалованье в размерах, установленных для русских матросов и солдат: полуосмина (два четверика) ржаной муки, малый четверик крупы¹¹ на одного человека в месяц, а также кормовые деньги по 2 денги на одного человека в сутки¹².

Вести о гуманном отношении русских к побежденному врагу дошли до шведов. 16 (27) сентября 1705 года вице-адмирал К.И. Крюйс в своем письме-рапорте к Петру I докладывал, что получил от шведского адмирала К.Т. Анкерштерна сообщение, в котором тот благодарит его за хорошее обращение с пленными¹³.

Бесперебойное провиантское обеспечение пленных было организовано не только в Санкт-Петербурге, но и в других административных центрах страны, где содержались шведы. Так, команда пленных моряков в количестве 16 человек, находившаяся в 1707 году в Дерпте, ежедневно получала горячую пищу. На одного человека в неделю отпускалось по 7 фунтов свежего мяса, 3 фунта коровьего масла, 7

сельдей, «да хлеба против салдатских дач»¹⁴, т.е. столько же, сколько и русским солдатам. Обыкновенная же дача хлебопродуктов на одного солдата (матроса при нахождении на берегу) в сутки составляла: 2,5 фунта муки, или 3 фунта выпеченного хлеба, или 1,75 фунта сухарей и 0,3 фунта крупы¹⁵. Не бедствовали и пленные (всего 525 человек), размещенные во Владимире, Туле, Костроме и других городах¹⁶.

Правда, одно время Петр I хотел отменить выдачу шведам кормовых денег, «так как нашим пленным в Стокгольме шведы ничего не выдают»¹⁷, однако до этого дело все-таки не дошло.

После Полтавской битвы в русский плен попали более 19 тыс. шведов¹⁸. По указу Петра I пленным генералам и офицерам было определено денежное жалование, аналогичное содержанию высшего и старшего командного состава русской армии. Унтер-офицерам и рядовым назначили такие же должностные оклады, как и русским нижним чинам в пехотных полках¹⁹. Более того, семьям шведских офицеров было разрешено приехать в Россию, где им также выплачивалось пособие. Жены офицеров и дети старше 10 лет получали половину оклада мужа (отца), а детям, не достигшим указанного возраста, выдавалось по 4 денги в сутки.

Пленным офицерам и членам их семей предоставлялась возможность заниматься в России различными видами ремесел, наниматься в учителя, гувернеры, пользуясь чем, некоторые пленники даже пооткрывали в русских городах герберги (трактиры)²⁰. Пожалуй, единственное, в чем Правительствующий Сенат их ограничил, так это запретил торговать пивом, вином, медом и табаком²¹. Шведы, принявшие православие и поступившие на русскую административную и военную службу, получали такие же размеры денежного и хлебного жалования, как и природные россияне, а во многих случаях и более²². Незначительная часть пленников была передана частным лицам: дворянам, купцам, ремесленникам, которые обеспечивали их питанием за свой счет²³. Исследователи отмечают, что шведы довольно быстро привыкли к простой русской пище, с удовольствием пили хлебное вино, ели хлеб и кашу²⁴.

Пленным разрешалось также получать продовольственные посылки и иную материальную помощь из дома, но по мере того, как разоренная долгой войной Швеция нищала, эти посылки становились все более редкими, а потом и вовсе прекратились.

24 октября (4 ноября) 1709 года был объявлен указ Петра I, предписавший губернаторам отправлять в Швецию тяжелораненных пленников: на путь следования они обеспечивались необходимым количеством продовольствия и медикаментов. В то же время здоровые военнопленные, в основном рядовой состав, довольно широ-

ко привлекались к строительству различных объектов военного назначения²⁵, при этом Петр I особо обращал внимание на то, чтобы для довольствия шведов готовились запасы провианта²⁶.

Говоря о том, что военнопленные шведы пользовались в России значительной свободой, надо отметить, что этот гуманизм некоторые из них приняли за слабость, начались побеги, правда, без успеха, возникла тайная переписка, где сообщались сведения секретного характера. Это, естественно, привело к ужесточению содержания военнопленных, часто их из европейской части страны направляли в Сибирь. Так, шведы, содержавшиеся в Азове и Воронеже, под конвоем были отправлены в Вятку, Верхотурье, а также в Тобольск и другие города Сибирской губернии²⁷. При этом на путь следования пленникам и членам их семей выплатили кормовые деньги и выдали провиант из расчета: для лиц мужского пола по 2 денги, женам и детям по 1 денге на одного человека в сутки, ржаной муки, соответственно, по 1,5 и 1 четверику каждому на месяц.

В целом же население и военнотружущие армии и флота относились к пленным весьма благожелательно. Пример в рыцарском отношении к побежденным врагам подавал сам царь. О великодушии монарха было известно не только внутри страны, но и за ее пределами. Так, английский журнал «Болтун» от 23 августа 1709 года писал: «Его Царское Величество обращается со своими пленными с изысканной любезностью и почтением»²⁸. В 1706 году Петр I издал указ, который предписывал всем гражданским и военным властям нашей страны проявлять заботу о содержании пленных, «шведским пленникам... чинить во всем довольствие, чтоб також пленным русским, будучи в шведской стороне, такоже довольствия было и тесноты (обиды. — И.Д.) не было»²⁹.

Однако Карл XII думал об этом совершенно иначе. После Полтавской битвы он писал в риксдаг из Бендер: «...русские пленные должны быть содержимы в Швеции строго и не пользоваться никакою свободой, пока не окажется возможным обменять их»³⁰. Впрочем, эта возможность возникала не раз, при этом Петр I обещал отпустить из плена нижних чинов в два раза больше, чем шведы русских солдат и матросов. Только пленные офицеры подлежали обмену в соотношении «чин за чин». Однако все предложения государя Карлом XII отвергались, причем в оскорбительной форме. Более того, шведы неоднократно нарушали ранее достигнутые договоренности. В 1710 году в Швеции незаконно была задержана бригантина (шнява) «Фальк», которой командовал капитан-поручик Б. Шмит (Шмидт)³¹, доставивший в Швецию на своем судне письма шведских военнопленных, и полковника Ребиндера, обмениваемого на полковника Иваницкого³². Пожалуй, адекватным ответом на это

было бы задержание в русских водах подобного же шведского судна, пришедшего в середине мая 1710 году к о. Котлин с русскими пленными. Но государь отдал распоряжение не задерживать шведское судно, «ибо с помощью божьею возможно им сию неправду вяще отомстить»³³.

Мы не располагаем данными о норме пайка, установленного в Швеции для русских пленных, но можно достоверно утверждать, что они бедствовали в плену, ибо и сами шведы жили впроголодь.

После проигранных Полтавского и Гангутского сражений, занятия русскими войсками Лифляндии, Эстляндии, Западной Карелии (1710), Финляндии (1713—1714) внутреннее и внешнеполитическое положение Швеции заметно ухудшилось. Утрата богатейших сельскохозяйственных провинций Эстляндии и Лифляндии, нехватка рабочих рук в деревнях наиболее плодородных областей Сконе и Халланд, вызванная ежегодными наборами рекрутов, частые неурожаи, фактическое прекращение внешней торговли и т.д. — все это в совокупности привело к тому, что страна утратила продовольственную независимость. В результате среднедушевое потребление продуктов среди населения, особенно среди городских жителей, значительно сократилось, во многих местностях начался голод.

Так что нет ничего удивительного, что в этих условиях шведские власти фактически бросили русских военнопленных на произвол судьбы, предоставив им «право» самим заботиться о собственном пропитании. Естественно, что из Швеции со временем перестали поступать деньги на содержание собственных военнопленных³⁴, и России пришлось полностью взять их обеспечение на себя. Так, корнет В.А. Эннес, проживший 13 лет в Тобольске и ведший там дневники, изданные затем его внуком в Стокгольме в 1818—1819 гг., писал, что за 7 лет плена он получил от своего государства только 60 талеров серебром³⁵. Напомним, 1 талер (Joachimsthaler) или ефимок обменивался в 1712 году на 23 алтына 2 денги — 70 копеек.

В 1711 году шведским нижним чинам были установлены следующие виды провиантского обеспечения: кормовые в размере 2 денги в сутки и продукты на руки натурой в размере 1,5 четверика ржаной муки на месяц; женам и детям — по 1 денге в сутки и 1 четверик муки на месяц³⁶. Таким образом, хлебное жалованье было только на полчетверика меньше нормы довольствия русского матроса при его службе на берегу.

Однако рачительный хозяин, каким был Петр I, вовсе не хотел, чтобы шведы бесплатно ели русский хлеб. В своем письме-предписании, направленном из Гистроу в Москву в декабре 1712 года, он указал: «Шведам полонным, которые есть на

Москве и в других губерниях, велите работать, чтоб они не даром кормовые деньги брали...»³⁷.

Рабочие руки были нужны прежде всего на строительстве новой столицы и Кронштадта. С 1710 года значительные контингенты пленных направлялись в Санкт-Петербург и на о. Котлин. В район Петербурга пленные прибывали либо из Выборга, Гельсингфорса и других мест Финляндии³⁸, либо из внутренних губерний России, где они находились на различных хозяйственных и строительных работах. Так, в 1713 году из Москвы в Санкт-Петербург были отправлены 338 пленников, из Воронежа — 672. Большая часть трудилась на строительстве сооружений на о. Котлин, другие — на предприятиях Адмиралтейства. Нижние чины работали на Канатном дворе, на пильной мельнице Адмиралтейства, обучали русских учеников нитяному делу³⁹. По состоянию на 1(12) марта 1715 года на всех объектах Санкт-Петербургского адмиралтейства «обреталось» 321 военнопленных: унтер-офицеров, капралов и рядовых.

Большинство пленных в Санкт-Петербурге проживали в казармах, построенных неподалеку от объектов, на возведении которых они работали. В одной казарме содержалось по 20—30 человек, например 510 пленных были размещены в 22 казармах. Шведы, занятые на работах, где не требовался квалифицированный труд, обеспечивались хлебным и соляным жалованьем: полуосмина ржаной муки, малый четверик крупы, 2 фунта соли на одного человека в месяц. Размеры хлебного жалованья шведов-мастеровых были на 2 четверика ржаной муки больше, чем их товарищей по плену, трудившихся разнорабочими⁴⁰. Кроме того, всем пленным выплачивалось денежное жалованье в виде кормовых денег, по 30 алтын (90 копеек) на одного человека в месяц⁴¹.

После проигранного шведами Гангутского сражения в русский плен попали 580 человек, из них «большой частью раненые»⁴². Здоровых направили на о. Котлин и разместили в 9 казармах, расположенных за Каторжным и Кружечным дворами⁴³, а раненых и больных отправили на лечение за государственный счет⁴⁴.

Шведы ежедневно получали «ветчины... на четыре человека фунт, а крупы и сухари против салдацких дач (146 г крупы и 818 г сухарей на одного пленного в сутки. — И.Д.)», а находившиеся в военно-морском госпитале раненые и больные через лекаря И.Л. Розе — еще пиво, уксус и хлебное вино. Обратившись к русскому командованию, пленные попросили, чтобы им вместо сухарей выдавали муку для выпечки свежего хлеба. Их просьба была удовлетворена.

В целом провиантское обеспечение пленных матросов было вполне удовлетворительным. Что касается офицеров, то, естественно, выделявшегося денежного довольствия не хватало для того, чтобы вести привычную жизнь, поэтому многие из

них нуждались в дополнительных средствах. Например, попавший в плен в ходе Гангутского морского сражения 1714 года контр-адмирал Н. Эреншёльд вынужден был занять 100 рублей «на карманные расходы» у светлейшего князя А.Д. Меншикова. Заметим, что никакой нужды благодаря заботе Петра I Н. Эреншёльд не испытывал⁴⁵. Но в конце декабря 1717 года он был уличен в сборе разведывательной информации, за что под конвоем был отправлен из Санкт-Петербурга в Москву. Кроме того, его как потерявшего доверие русского монарха отлучили и от царского стола. Об этом факте не преминули сразу сообщить правительствам своих стран почти все резиденты и посланники, состоявшие при русском дворе: «...шведский вице-адмирал Ореншилд недоволен тем, что по отъезде царя ему положено выдавать наличными деньгами такое же содержание, как русскому вице-адмиралу (2160 рублей в год⁴⁶. — И.Д.); до сих пор он был снабжен кушаньем с Царского стола, теперь же будет кормиться сам, что равняется решению остаться в Москве»⁴⁷. Надо отметить, однако, что должностной оклад русского вице-адмирала позволял в хлебосольной Москве иметь не только обильный стол, но и многое другое.

В кампанию 1718 года численность шведских моряков, находившихся в русском плену, еще более возросла. Стремясь принудить Швецию к заключению мира на выгодных для России условиях, в море вышли 25 русских линейных кораблей⁴⁸. С ранней весны русские корабли действовали на торговых коммуникациях противника в центральной части Балтики и у Данцига⁴⁹, откуда шведы импортировали хлебopодукты. Капитан-командор Я. ван Гофт захватил 10 судов, торговавших со Швецией, капитан-поручик Д. Ден — 6, капитан-поручик Ф. Вильбуа — 5, капитан-поручики П. Бенс и П. Трезель — по 2 каждый, капитан 1 ранга В. Гей — одно судно⁵⁰. Часть захваченных пленных содержалась в Шлиссельбургской крепости и на адмиралтейских Каторжных дворах, при этом пленники, как и их охранники, получали одинаковое хлебное и соляное жалованье: 2 четверика ржаной муки, малый четверик круп и 2 фунта соли на одного человека в месяц.

Надо отметить, что с каждым годом войны действия противоборствующих сторон на морских коммуникациях носили все более ожесточенный характер. Первоначально в этом преуспели шведы, которые, используя линейные корабли, а затем и каперы, стремились нарушить торговые связи России с европейскими странами и не допустить прихода купеческих кораблей в ее новую столицу и другие российские балтийские порты⁵¹.

6(17) июня 1719 года французский консул в России А. де Лави сообщал в Париж аббату Дюбуа о решительных мерах русского правительства, принятых против незаконных, пиратских действий шведских каперов: «Узнав, что шведы делают опус-

тошения на море своими каперами, Государь приказал своим делать то же самое, что они и исполняют весьма изрядно. Гр[аф] Александр Апраксин (племянник генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, сын казанского губернатора П.М. Апраксина, поручик флота, командовал фрегатом «Лансдоу»⁵². — И.Д.) один привел в Ревельский порт 8 призовых кораблей, а всех призов, говорят, до 30, и между ними несколько английских, голландских и любекских кораблей, направлявшихся в Швецию»⁵³.

Две блестящие победы Балтийского флота в кампаниях 1719—1720 гг. еще больше увеличили численность пленных шведских моряков. В результате Эзельского боя, выигранного утром 24 мая (4 июня) 1719 года эскадрой кораблей под командованием капитана 2 ранга Н.А. Сенявина, были захвачены богатые трофеи: линейный корабль, фрегат и бригантина. В русский плен попали 11 офицеров и 376 нижних чинов⁵⁴. Всего же по состоянию на 1(12) июня 1719 года только в Санкт-Петербурге содержались 420 пленных моряков⁵⁵.

27 июля (7 августа) 1720 года отряд русских гребно-парусных судов под командованием генерала князя М.М. Голицына в ожесточенном кровопролитном бою со шведской эскадрой вице-адмирала Шеблада при Гренгаме взял в плен 407 человек и 4 фрегата. Всех шведов, по образному выражению Феофана Прокоповича, ожидал в России «...честный и богатый (сытый. — И.Д.) плен»⁵⁶. Слова видного церковного деятеля петровской эпохи полностью подтверждаются раздаточным списком Провиантской конторы на 1720 год по «хлебному жалованью каторжным невольникам и шведским арестантам...»⁵⁷.

Хлебное жалованье пленным отпускалось регулярно в надлежащих размерах не только в Санкт-Петербурге, но и в других местах содержания пленных. Так, в Ревельском адмиралтействе на март 1719 года для 437 пленных шведов из местного провиантского магазина было выдано 109 четвертей 2 четверика ржаной муки, 6 четвертей 6 четвериков 5 малых четвериков крупы и 16 пудов 15 фунтов соли³⁸. Таким образом, русское государство, в отличие от шведского, гарантировало пленным прожиточный минимум, регулярно отпуская им хлебное жалованье в размерах, установленных для природных россиян — нижних чинов армии и флота.

Перечисление денежного жалованья и кормовых денег для русских пленных в Швеции организовывалось следующим образом. В статьях расходов Военного, а затем и Адмиралтейского приказов ежегодно определялись значительные суммы на содержание русских пленных в Швеции и на поддержание их семей в России. До 1710 года вексели в шведские банки и письма русским пленникам передавались Ф.М. Апраксиным через Выборг вице-адмиралу К.Т. Анкерштерну.

Находившимся в шведском плену генералам и офицерам, владевшим поместьями и родовыми вотчинами, переводилась половина должностного оклада. Беспоместные русские офицеры (по состоянию на 20(31) мая 1723 года их в Балтийском флоте было около 32 проц.) и офицеры-иноземцы получали полностью свое денежное содержание, при этом у последних оно было значительно выше. Например, штурман-иностранец получал 156 рублей, а русский — 120, констапель, боцман, соответственно, 117 рублей и 84 рубля, боцманмат — 91 рубль и 36 рублей⁵⁹.

Некоторым офицерам, находившимся в плену, за особые заслуги перед государством и по ряду других причин устанавливались персональные оклады и производились отдельные разовые выплаты. Например, 13(24) августа 1708 года Петр I предписал прибавить жалованье генералу князю И.Ю. Трубецкому, «ибо на 600 рублей в год в Стокгольме прожить невозможно (для аристократа. — И.Д.)»⁶⁰. Нижние чины армии и флота получали денежную компенсацию за «месячный корм», рассчитанную по заготовительным ценам (в 1714 г. — 30 алтын). Как правило, деньги на содержание русских пленных из России в Швецию поступали два—три раза в год⁶¹.

Жены военнослужащих, находившихся в плену в Швеции, независимо от воинского звания мужей получали от Адмиралтейства половину их должностного оклада. Так, в 1710 году им было выплачено 1232 рубля»⁶².

Бывало и так, что перевод денег из России задерживался. Скажем, в 1713 году англичане, шедшие на линейном корабле «Булинбрук» в Россию, были захвачены шведами⁶³ и как пленные направлены на строительные работы. Русское правительство не смогло сразу перечислить в Стокгольм их причитавшееся по контракту жалованье, из-за чего возникли серьезные неприятности. В Лондоне от жен английских моряков особенно досталось Ф.С. Салтыкову, нанимавшему англичан на русскую службу. 11(22) февраля 1715 года он писал царю, что жены и родственники взятых в плен англичан у него постоянно просят деньги: «мне от них житья нет, и всегда укрываюсь от них и живу где ночь, где день, а оныя (пленные. — И.Д.) пишут оттуды, что им великая нужда и трудность, что непрестанно в работе носят... камень и землю на городовое строение... а на корм дается им по 3 копейки на день»⁶⁴. Для сравнения: стоимость матросской порции нижнего чина ВМФ Швеции в кампании 1721 года составляла 6 штиверов 2 орта (5,25 русской копейки) на одного человека в сутки⁶⁵.

Такое же сильное давление со стороны родственников голландских моряков испытывал торговый агент русского правительства в Амстердаме Я. Фандербург. Он подписал контракты с 26 голландскими моряками, которые в 1714 году по пути в Россию попали в шведский плен. К февралю 1720 года из плена освободились 16

человек, четверо умерло (боцман, шипор, штурман, лекарь), 6 человек остались «служить своею волею» в шведском флоте⁶⁶. За период плена 16 морякам и четырем вдовам было выплачено жалование только за два года. Отметим, что здесь так же, как и в Англии, жены и вдовы моряков, не получив в полном объеме от русского правительства причитавшееся им по контракту жалование, все свои претензии предъявляли Я. Фандербургу. За 1715 год выплаты были произведены в соответствии с контрактами. Так, в конце 1715 года из адмиралтейской канцелярии в Амстердам на имя Я. Фандербурга был переведен вексель на 3000 рублей. Тогда 1 русский рубль обменивался на 2 голландских гульдена 18 штиверов, что хватило оплатить «жалованья русским морским и сухопутным офицерам и матросам и иноземцам, обретавшимся в Стокгольме, на 6 месяцев...»⁶⁷. Всего же 27 офицерам-голландцам, нанятым на русскую службу и попавшим в плен, их семьям в Амстердаме было выплачено 8226 гульденов 8 штиверов⁶⁸.

Повсеместный по стране неурожай зерновых в 1716 году существенно сократил поступление средств в Адмиралтейский приказ, что привело к задержке в переводе векселей из Санкт-Петербурга в Амстердам и Стокгольм. Посол России в Дании князь В.Л. Долгорукий в мае 1717 года писал царю: «Русским полоняникам (находившимся в Швеции — И.Д.) в 3 месяца денег ни на что же не дали, великой работою принуждены питаться»⁶⁹. Только после предписания монарха Правительствующему Сенату деньги на содержание русских пленных были все же переведены.

После завершения Северной войны начался обмен пленными. Шведское правительство в сложившейся ситуации предоставило военнопленным самим выбираться из России, которая, однако, в этом отношении пошла навстречу бывшему противнику. Пленные шведы были собраны со всей страны в Санкт-Петербурге и Кронштадте, откуда их доставляли в Стокгольм морем. На путь следования по личному указанию царя солдаты и матросы получали по 5 рублей кормовых денег, им также было выдано новое платье. Кроме того, для экстраординарных расходов («для случайных нужд») командиры военных судов получили дополнительно деньги в шведской валюте. Особо всесторонне Петр I позаботился о знатных пленниках: «...повелел снабдить их всякой провизией и напитками»⁷⁰. 29 января (9 февраля) 1722 года Н. Эреншельд из Карлскроны, направил письмо Петру I, где с глубоким почтением поблагодарил русского монарха за доставленные ему «...милость и благость, которую ваше царское величество явили мне в бытность моего плену...»⁷¹.

Значительная часть пленных по различным причинам осталась на новой родине (принятие православия, брак с русской женщиной, поступление на государст-

венную и военную службу и т.д.). Стоило ли после этого менять благополучную жизнь на крайнюю нужду и лишения в своей бывшей стране, полностью разоренной продолжительной войной? Тем более, что еще до заключения перемирия, когда исход войны уже ни у кого не вызывал сомнения, Петр I издал указ, в соответствии с которым бывшие шведские военнопленные отпускались на свободу⁷². На обзаведение им выделялась ссуда и гарантировались различные привилегии при занятии ремеслом и науками⁷³. Русские же пленные, прибывшие из Швеции, зачислялись в свои бывшие части на все виды довольствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1880. Т. I. № 13.

² *Оплов В.Г.* Морские сражения русского флота. Воспоминания, дневники, письма. М.: Воениздат, 1994. С. 20.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Л. 53 об., 54.

⁴ *Петров Г.Ф.* Кронштадт. Л., 1981. С. 19.

⁵ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 17. Л. 232, 233; Д. 85. Л. 106, 107; Ф. 234. Оп. 1. Д. 29. Л. 239.

⁶ *Автократов В.Н.* Первые комиссариатские органы русской регулярной армии (1700—1710 гг.) // Исторические записки. М., 1961. Т. 68. С. 174.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 16. Л. 85—88.

⁸ Там же. Д. 36. Ч. I. Л. 828. 1 четверть = 2 осминам = 8 пудам; 1 пуд = 16,38 кг

⁹ Там же. Л. 443.

¹⁰ Там же. Л. 828.

¹¹ 1 четверик крупы = 8 малым четверикам = 32 фунтам. (Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (Архив СПбФ ИРИ РАН). Ф. 10. Оп. 2. Д. 265. Л. 89 об., 90). 1 фунт = 409 г, осмина = 104,95 л.

¹² РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 4. Л. 3, 6, 8, 58 об., 59; Ф. 233. Оп. 1. Д. 40. Л. 223, 224.

¹³ *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. III. С. 305.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 28. Л. 80, 413 об.

¹⁵ *Филимонов П.* Руководство для скорейшего соображения исчисления и поверок по продовольствию войск. СПб., 1819. С. 6; Раскладка продуктов для нижних чинов, от одного до 2000 человек на один и последовательно до 30 дней с особою таблицей для переложения кулей на меру, на весь и обратно при всех раздроблениях. СПб., 1856. С. 3.

¹⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого (П и Б). СПб., 1900. Т. IV. С. 487.

¹⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 41 об.

¹⁸ Документы Северной войны: Полтавский период (ноябрь 1708 — июль 1709 г.) // Труды императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. III. С. 307.

¹⁹ *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 204, 205; П и Б. М.-Л., 1950. Т. VII. Вып. I. С. 151, 152.

²⁰ *Смирнов Д.Н.* Очерки жизни и быта нижегородцев XVII—XVIII веков. Горький, 1978. С. 191; *Храмцовский Н.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1857. Ч. I. С. 95.

²¹ Доклады и приговоры... Т. I. № 168.

²² РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 4. Л. 73—76; Д. 31. Л. 338, 339.

²³ *Грот Я.К.* О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом. СПб., 1853. С. 5; *Богословский М.М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. Пг., 1918. 2-е изд. С. 5, 6; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1830. Т. V. № 3259.

²⁴ *Шарыпкин Д.М.* Русские дневники шведов — полтавских пленников // Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975. С. 80.

²⁵ П и Б. М.-Л., 1956. Т. IX. Вып. I. С. 187.

²⁶ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 51.

²⁷ Сборник императорского Русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1873. Т. 11. С. 153.

²⁸ Цит. по: *Левин Ю.Д.* Английский журнал «Московит» (1714) // Восприятие русской культуры на Западе. С. 15.

²⁹ Доклады и приговоры... Т. I. № 168.

³⁰ *Бородкин М.М.* Указ. соч. С. 208, 209.

³¹ Общий морской список. От основания флота до кончины Петра Великого (ОМС). СПб., 1885. Ч. I. С. 426.

³² РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 24. Л. 85—88, 91, 99, 100, 120.

³³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 137, 137 об.

³⁴ *Cejer E.G.* Geschichte Schwedens. Hamburg, 1836. Т. III. S. 97. *Bain N.* Chales XII and the Collapse the Swedish Empire. 1682—1719. London, 1895. P. 304, 305. *Morineau M.* Rations de marine (Angleterre, Hollande, Suéde et Russie) // Annales Economies Sociétés Civilisations. Paris, 1965. № 6. P. 1154.

³⁵ *Грот Я.* О пребывании пленных шведов в России // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1853. Ч. 77. Отд. II. Февраль. С. 157.

³⁶ Доклады и приговоры... Т. I. № 52, 64, 76.

³⁷ Сб. РИО. Т. 11. С. 252.

³⁸ *Бородкин М.М.* Указ. соч. С. 114—116; Походный журнал 1710 года. 2-е изд. СПб., 1913. С. 253; Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 550. Ф. IV. 736. Кн. 3. Л. 222, 222 об.

³⁹ Материалы для истории русского флота (МИРФ). СПб., 1866. Ч. III. С. 245; РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 24. Л. 126—129.

⁴⁰ *Семенова Л.Н.* Участие шведских мастеровых в строительстве Петербурга // Исторические связи Скандинавии и России в IX—XX вв. Л., 1970. Сб. статей. С. 275, 277.

⁴¹ *Луппов С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.- Л., 1957. С. 84, 85.

⁴² *Кротов П.А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 135, 136.

⁴³ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6780. Л. 2.

⁴⁴ МИРФ. СПб., 1867. Ч. IV. С. 399.

⁴⁵ *Noadberg J.A.* Histoire de Charles XII, Roi de Suede // Traduite de Suedois. La Haue, 1748. Т. III. P. 138; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 85. Л. 80, 81.

⁴⁶ *Соколов А.П.* Русский флот при кончине Петра Великого, 1725 года // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1848. С. 324, 325.

⁴⁷ Сб. РИО. Т. 34. С. 309.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 39. Л. 454; МИРФ. СПб., 1866. Ч. II. С. 293, 294.

⁴⁹ *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. I. С. 307.

⁵⁰ МИРФ. Ч. II. С. 330—333.

⁵¹ Отдел рукописей библиотеки РАН (ОР БАН). П. I. Б. 32. Л. 97, 97 об.

⁵² ОМС. Ч. I. С. 14, 15.

⁵³ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40. С. 32, 33.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 22. Л. 112; *Тарле Е.В.* Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949. С. 79.

⁵⁵ РГАВМФ ЦХСФ (Центр хранения страхового фонда). Ф. 220. Оп. 1. Д. 2. Л. 661.

⁵⁶ *Прокопович Феофан*. Слова и речи. СПб., 1760. Ч. II. С. 46.

⁵⁷ РГА ВМФ ЦХСФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 17. Л. 1—4 об., 13—16.

⁵⁸ Там же. Д. 2. Л. 577.

⁵⁹ МИРФ. Ч. III. С. 49—51.

⁶⁰ Князь И.Ю. Трубецкой пробыл в плену почти 18 лет и лишь в 1718 г. он и генерал А.М. Головин были разменены на плененного под Полтавой шведского фельдмаршала графа К.-Г. Реншильда. РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3. Л. 126 об.

⁶¹ Доклады и приговоры... Т. I. № 13, 322; СПб., 1891. Т. IV. Кн. II. № 1034; Т. V. Кн. II. № 1027; Т. VI. Кн. I. № 533; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 68. Л. 55; Ф. 176. Оп. 1. Д. 58. Л. 306.

⁶² РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 58. Л. 304, 305 об.

⁶³ *Данилов А.М.* Линейные корабли и фрегаты русского парусного флота. Минск, 1996. С. 20, 21.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 24. Л. 550 об., 551.

⁶⁵ МИРФ. Ч. IV. С. 213, 214, 222, 223, 228, 229.

⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1719 г. Д. 9. Л. 34 об., 36, 38—41 об., 47.

⁶⁷ Там же. Оп. 1720 г. Д. 55. Л. 194—197.

⁶⁸ Там же. Отд. II. Д. 27. Л. 609, 610 об.

⁶⁹ Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1915. Вып. II. С. 300.

⁷⁰ Сб. РИО. Т. 40. С. 126, 127.

⁷¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 93. Л. 563, 563 об.

⁷² ПСЗ. Т. VI. № 3778.

⁷³ Сб. РИО. Т. 40. С. 489.